

Этнографы Казахстана накопили уже значительный опыт исследования социалистического быта и культуры казахского народа. В 1950-х гг. появились в печати статьи, подводящие первые итоги этнографического изучения быта казахского колхозного крестьянства¹. В 1967 г. была опубликована коллективная монография — результат многолетнего и всестороннего изучения истории формирования социалистического производственного быта, семейного уклада у сельского населения Казахстана на примере двух крупных колхозов Алма-Атинской области².

Авторы рецензируемой книги ограничили свою задачу разработкой проблемы социалистического преобразования материальной культуры и в то же время расширили диапазон исследований, распространив их и на городское население — рабочих шахтеров Карагандинского бассейна, одной из крупнейших угольных баз СССР. В противоположность предыдущим статьям и книгам, материальная культура колхозного крестьянства рассматривается здесь в масштабе всего Казахстана, а не отдельных хозяйств и районов.

В структурном отношении книга состоит из двух частей: I — изменения в материальной культуре казахского крестьянства; II — изменения в материальной культуре казахских рабочих. Автор первой из них В. В. Востров, второй — Х. А. Кауанова.

При работе над монографией авторы использовали очень широкий круг источников: материалы, выявленные в Центральном государственном архиве СССР, в Центральном государственном архиве Казахской ССР, опубликованную историческую и историко-этнографическую литературу, в том числе такой капитальный труд, как «Казахско-русские отношения в XVI—XIX вв.», т. I—II (Алма-Ата, 1961—1964), статистические сборники, экономические обзоры и т. д., но главным образом — полевые этнографические материалы. В. В. Востров обследовал различные области Казахстана в 1955—1971 гг. Х. А. Кауанова работала в Караганде более десяти лет (1959—1970 гг.); помимо непосредственного наблюдения, сбора и фиксации этнографических данных, она пользовалась методом анкетных обследований и наряду с материальной культурой изучала историю формирования национальных кадров карагандинских шахтеров, их производственный и семейный быт.

Оба автора предвзвешивают основную часть своих исследований вводными историко-этнографическими очерками, характеризующими быт казахов-скотоводов, земледельцев и рабочих в дореволюционный период. Сравнительный анализ позволяет проследить динамику развития материальной культуры казахского сельского населения и рабочих и обеспечивает соблюдение принципа историзма; этим достоинством отличаются обе части книги, в том числе и разделы, посвященные советскому периоду.

Книга охватывает большой круг вопросов; в ней приведен обильный конкретный фактический материал и затронуты многие теоретические проблемы, связанные с изучением современного быта народов Средней Азии, Казахстана и советского общества в целом. Так, авторы прослеживают невиданно быстрый подъем благосостояния, культурного уровня крестьян и рабочих в годы Советской власти и постепенное преодоление различий в быту сельского и городского населения. С большим вниманием и наблюдательностью они выявляют соотношение традиционных и новых элементов материальной культуры на разных этапах социалистического строительства; работа содержит богатейшую информацию о разнообразных формах инноваций, проявлявшихся в новых трудовых навыках, модернизации жилища, одежды, пищи казахских колхозников и рабочих; важно, что в большинстве случаев отмечается время появления этих новых черт. Один из главных аспектов исследования, последовательно проходящий через все главы книги, — анализ взаимовлияния культур казахов и русских, а также культурных связей казахского населения с соседними народами Средней Азии — узбеками, уйгурами и др. Придавая первостепенное значение проблеме культурного сближения и интеграции, авторы рассматривают и вопрос о роли фактора национальной самобытности в современную эпоху в развитии культуры казахской социалистической нации. Они четко характеризуют свою теоретическую позицию, выступая против тенденций относить к национальному наследию и культурным ценностям все традиции, накопленные на протяжении многовековой истории — независимо от их роли и значения в жизни народов, строящих коммунистическое общество. Ссылаясь во введении к книге на пресловутые сеговония зарубежных буржуазных фальсификаторов истории по поводу якобы «неизбежной утраты» народами республик Советского Востока своей национальной самобытности, авторы рецензируемой книги пишут: «Что именуют они национальной самобытностью? Убогие юрты скотоводов, неустроенный быт, почти пого-

¹ Н. С. Сабитов, Культура и быт казахского колхозного аула, «Вестник АН КазССР», 1950, № 10; его же, Общественная жизнь и семейный быт казахов колхозников (по материалам Алма-Атинской и Джамбульской областей), «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР», т. 3, Алма-Ата, 1956; В. В. Востров, Казахи Джамбульского района Западно-Казахстанской области. Там же, и др.

² «Культура и быт казахского колхозного аула», Алма-Ата, 1967.

ловную неграмотность? От такой „самобытности“ с радостью откажется любой народ, как от проклятия. В связи с этим приводится высказывание замечательного киргизского писателя Чингиса Айтматова: «Не все же нам восторгаться... запахом кизячного дыма, кумыса и овчины, этими обязательными атрибутами „национальной специфики“. Сегодня нам гораздо ближе запах бензина, машин, тракторов, ближе все то, что связано с механикой и современными темпами жизни».

Авторы придерживаются марксистско-ленинской концепции неоднозначности культурных традиций и выступают против идеализации их архаических проявлений — пережитков костности, рутины, консерватизма; вместе с тем они положительно оценивают и бережно фиксируют те явления и предметы быта, которые сохраняются и развиваются в современной жизни казахов, как элементы подлинно народных традиций и придают неповторимое своеобразие, национально-самобытный колорит интерьеру жилища, пище, некоторым видам одежды. Много места уделяется и народному прикладному искусству казахов, имеющему древние исторические традиции. Все эти проблемы в разной степени затрагиваются в обеих частях книги, но у каждого из авторов, несмотря на общую тему, свои аспекты исследования. В. В. Востров очень подробно рассматривает развитие хозяйственных и культурно-бытовых связей казахов с русским населением, прослеживая их исторические истоки и влияние на хозяйство и материальную культуру казахского народа (жилище, одежду) с XVIII века. Эта тема до сих пор разрабатывалась преимущественно советскими историками Казахстана³, но есть и посвященная ей интересная историко-этнографическая работа Х. Аргынбаева⁴, которая основана на материалах Восточного Казахстана, относящихся к XIX—XX вв. В. В. Востров распространил свое исследование и на остальные регионы Казахстана и показал на большом материале дальнейшее развитие экономического и культурного взаимодействия, сотрудничества и дружбы казахского и русского народов в новых исторических условиях — в эпоху социализма.

Включением Казахстана в орбиту экономической жизни России, возрастающими контактами казахов с русским населением автор объясняет возникновение многих прогрессивных явлений в хозяйстве и быту казахов в XIX — начале XX в., несмотря на то, что «в своей официальной политике царизм делал все, чтобы законсервировать в Казахстане отсталые формы социально-экономических отношений... всячески помешать дружбе народов». Во второй главе, характеризующей развитие социалистического хозяйства и изменение быта казахского аула после Великой Октябрьской социалистической революции, В. В. Востров большое внимание уделяет переходу казахско-кочевников к оседлости в 1920-х — 1930-х гг., завершившемуся в период коллективизации. Этот процесс определял специфику социалистического преобразования быта сельского населения в Казахстане и, в частности, его материальной культуры (особенно поселения и жилища). Нет сомнения, что в этом плане работа В. В. Вострова вызовет особый интерес в тех развивающихся странах Азии и Африки, где до сих пор кочевники составляют значительный процент населения и вопрос о путях их перехода к оседлости, поднятия их жизненного уровня становится с каждым годом все более актуальным и острым. Поиски практических решений, как известно, уже неоднократно заставляли государственных деятелей и ученых этих стран обращаться к опыту Казахстана и других республик Советского Востока⁵.

На общем фоне глубоких прогрессивных изменений хозяйственно-бытового уклада и образа жизни казахского крестьянства — колхозников и рабочих совхозов — В. В. Востров освещает и постепенное видоизменение основных форм их традиционной материальной культуры — транспортных средств, типов поселений, жилища и его убранства, одежды, издавна распространенных промыслов и ремесел, прикладного искусства, давая при этом их типологические характеристики. Нельзя не оценить по достоинству большую работу автора по классификации локальных форм и установлению примерных дат модернизации старых и распространения новых, общесоветских элементов материальной культуры казахов. Научное обобщение огромного полевого материала свидетельствует не только об общей этнографической эрудиции автора, но и о его внимании к вопросам национальной специфики казахской культуры, сохранившейся и развивающейся в условиях социализма, а также к процессу сближения и взаимообогащения культур народов этой многонациональной республики.

Столь же ценной нам представляется работа Х. А. Қауановой. Тема ее исследования связана с проблемой ведущей роли рабочего класса не только в социально-эконо-

³ А. Б. Турсунбаев, Роль русского народа в социалистическом преобразовании Казахстана, Алма-Ата, 1947; его же, Несокрушимая дружба русского и казахского народов, Алма-Ата, 1955; Е. Бекмаханов, Присоединение Казахстана к России, М., 1957; Б. С. Сулейманов, Аграрный вопрос в Казахстане, Алма-Ата, 1961; В. Я. Басин, Н. Бекмаханова, Э. И. Герасимова, Истоки великой дружбы, Алма-Ата, 1969 и др.

⁴ Х. Аргынбаев, Историко-культурные связи русского и казахского народов, «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Каз. ССР», т. 6, 1959.

⁵ См. Т. А. Жданко, Международное значение исторического опыта перехода кочевников на оседлость в Средней Азии и Казахстане (в связи с работой в СССР семинара МОТ по проблеме оседания кочевников), «Сов. этнография», 1967, № 4.

мических преобразованиях, происшедших в нашей стране за годы Советской власти, но и в том невиданном прогрессе культуры и быта, которого достигли народы СССР за этот исторический период. Роль рабочего класса в борьбе за построение коммунистического общества подчеркивал Л. И. Брежнев в отчетном докладе ЦК КПСС на XXIV съезде КПСС: он отметил, что усилия партии и впредь будут направлены на то, чтобы влияние рабочего класса во всех сферах жизни общества росло и укреплялось. В этом свете не подлежит сомнению актуальность и важность работы Х. А. Кауановой. Чрезвычайно интересны разделы, посвященные истории становления кадров казахских рабочих, и в частности, шахтеров Караганды. Любопытно, что Карагандинское угольное месторождение было куплено компанией купцов во главе с Ушаковым в 1856 г. у баев Токтамышева и Утепова за 250 рублей. С 1856 г. вплоть до установления в Казахстане Советской власти в Карагандинском бассейне было добыто всего 1200 тыс. тонн угля — меньше, чем за один 1933 г., когда добыча составляла 1800 тыс. тонн, а в 1965 г. здесь на-гора было выдано уже 30,8 млн. тонн.

Как видно из книги, зарождение казахского промышленного пролетариата следует отнести к середине XIX в., когда в Казахстане появились первые промышленные предприятия. Одной из важнейших причин вовлечения казахского кочевого населения в промышленность, по мнению авторов, был активный процесс классового расслоения в казахском ауле. Однако до Великой Октябрьской социалистической революции процесс формирования казахского пролетариата еще не был завершен. Хотя уже тогда появились потомственные рабочие семьи, основную массу все же составляли сезонные, не порвавшие связи с аулом, рабочие. Да и численность их была незначительная — 19,8 тыс. человек в 1913 г. на крупных предприятиях. Совместный труд с русскими и рабочими других национальностей способствовал развитию дружеских отношений с ними рабочих-казахов.

На фоне общих данных о развитии промышленности и формировании рабочего класса Казахстана в советский период хорошо показана история развития Карагандинского угольного бассейна и главные этапы сложения там казахских национальных кадров* рабочих — квалифицированных шахтеров, из числа которых более 26% сейчас уже являются потомственными рабочими и более 50% имеют общеобразовательный ценз выше 7 классов. В число факторов, способствовавших формированию кадров казахских рабочих, автор включает необычайно высокие темпы технического прогресса, развития науки и культуры в республике, а также ту атмосферу дружбы и помощи со стороны других народов, в которой протекал этот процесс. Исследованием этой темы в работе Х. А. Кауановой, как и многие разделы первой части книги, имеет значение, выходящее за пределы отечественной истории и этнографии: здесь на конкретном примере показывается специфика сложения рабочего класса в кочевых скотоводческих районах, обобщается опыт социалистического государства в коренном преобразовании экономики и быта районов экстенсивного скотоводства путем создания там промышленных очагов и массового привлечения бывших кочевников к индустриальному труду. Как известно, такие же задачи стоят в настоящее время во многих развивающихся странах Востока.

Вторая глава работы Х. А. Кауановой — «Изменения в материальной культуре казахских рабочих» — построена в основном на полевых этнографических материалах, собранных автором. Здесь не просто противопоставлены новые формы материальной культуры старым, а прослежена история их постепенной трансформации в разные исторические периоды; при этом автор попутно выявляет те факторы, которые особенно способствовали изменению традиционных типов жилища, одежды, пищи или наоборот — тормозили отмирание по-существу уже отживших, несовместимых с новым бытом, форм материальной культуры. В этом плане очень удачным нам представляется описание роста нового города Караганды, определившего ту среду, в которой развивались быт и культура рабочих-шахтеров. Нам кажется, что применявшееся автором изучение перемен, происходящих в материальной культуре с учетом возрастных групп, весьма плодотворно: как оказалось, с возрастной структурой рабочего класса тесно связаны не только формы одежды, но даже внутренняя обстановка жилища. Следует отметить, что особенно удачен раздел «Пища», в котором хорошо выявлено соотношение общих элементов — обогащение состава пищи за счет блюд и продуктов, заимствованных у других народов, и национальных, традиционных элементов, сохраняющихся и в современном быту. Национальные обычаи заготовки мяса (согын), приемы приготовления пищи (особая разделка туши для приготовления мясных блюд), любимые традиционные блюда продолжают бытовать. В этой области автор не отмечает, и это, очевидно, совершенно правильно, постепенного изживания и замены традиционного общесоветским, что закономерно для таких видов материальной культуры, как национальная одежда и жилище, воплощавшие в себе специфические черты прежнего кочевого образа жизни, которые ныне совершенно утратили практическое значение.

В целом следует отметить, что Караганда — очень яркий типичный и убедительный пример, характеризующий подъем материального уровня жизни рабочих Казахстана, их современного быта. На местах кочевой возник крупный город и рабочие поселки с современной планировкой, асфальтированными улицами, многоэтажными домами, дворами культуры, вузами, школами, больницами, библиотеками. Интересно, что до революции в Карагандинской области была всего лишь одна общеобразовательная школа, в которой училось около 20 детей. В настоящее время здесь работает 679 общеобразо-

бательных школ, 7 вузов (в том числе один университет) и 25 средних специальных учебных заведений, в которых обучается 350 тысяч школьников и 51 тысяча студентов. В Карагандинской области сейчас работает около 40 докторов наук и 640 кандидатов наук. Для сравнения скажем, что при организации Академии наук Казахской ССР (1946 г.) в ней было всего 389 научных работников с учеными степенями⁶.

При общей положительной оценке рецензируемого труда, нельзя обойти и некоторые его недостатки. Книга состоит из двух самостоятельных исследований, объединенных лишь общностью главной темы. С этим связаны повторы в обеих частях; их можно было бы избежать при другой структуре — органически единой монографии двух авторов. Это касается II главы первой части («Развитие социалистического сельского хозяйства и изменение быта казахского аула») и II главы второй части («Изменения в материальной культуре казахских рабочих»). К тому же при такой структуре создается искусственный разрыв материальной культуры рабочих и крестьян. Видимо, целесообразнее было бы включить в первую часть изложение истории материальной культуры казахских рабочих и крестьян до Октябрьской революции, а во вторую часть соответственно — в советский период.

Книга несколько перегружена фактическим материалом, историческими сведениями об отдельных колхозах и др. Местами излишне детально описаны производственные процессы.

Авторам следовало бы обосновать необходимость подробной характеристики в работе производственной (хозяйственной) деятельности, которую обычно не принято полностью включать в область материальной культуры (за исключением орудий труда, хозяйственных построек и др.). Следовало бы полнее отразить существенное влияние хозяйства и материальной культуры дореволюционного казахского аула на переселенческое русское и украинское население. В книге также недостаточно глубоко сопоставлена культура казахов с культурой и бытом узбеков и других народов Средней Азии; к сожалению, эта сфера взаимовлияний еще мало изучена.

Серьезным недостатком работы, впрочем зависевшим, видимо, не столько от авторов, сколько от издательства, является подача иллюстраций: фотографии, планы жилищ и пр., помещенные в конце книги, выполнены на плохой бумаге, не имеют нумерации; в тексте отсутствуют ссылки на них. Недооценка роли иллюстраций в труде, посвященном материальной культуре, особенно досадна и вызывает неудовлетворенность у читателя.

Наконец, следует пожелать авторам в дальнейшем, особенно при изучении проблем современного быта и культуры, пользоваться уже научно-обоснованными выборками объектов исследований, что очень важно в связи с обширностью территории и многонациональностью Казахской ССР. Есть возможность также обогатить методику изысканий опытом конкретных этно-социологических исследований, получающих все большее признание и распространение в нашей науке.

В. Я. Басин, Т. А. Жданко

⁶ «Казахстанская правда», 1972, 5 декабря.

Н. Г. Волкова. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973, 208 стр.

Нельзя сказать, что этнонимика Северного Кавказа — густо населенной части «горы народов», «горы языков» (так называли Кавказ средневековые авторы) — прежде не привлекала внимания специалистов — этнографов, языковедов, археологов и др. Обширный ссылочный аппарат и пространный список использованной литературы на многих языках СССР и Западной Европы в книге Н. Г. Волковой дают ясное представление о том, сколь велико и разнообразно научное наследие предшественников автора, изучавших северокавказскую этнонимiku. Тем не менее, в ее труде впервые обобщены существующие данные не только по каждому из северокавказских народов в отдельности, но и по всему региону в целом. При этом прослеживается развитие этнонимов и племенных названий на протяжении почти двух тысячелетий.

Источниками для написания книги послужили архивные материалы как опубликованные так и найденные самим автором, картографические данные, а также полевые материалы, которые Н. Г. Волкова и ее коллеги собрали во время экспедиционных работ на Северном Кавказе. Автор не просто сводит воедино разрозненные и зачастую мало известные даже специалистам сведения, содержащиеся в античных, армянских, грузинских, арабских, персидских, русских и пр. письменных источниках, не только анализирует противоречивые взгляды своих предшественников, но и предлагает свое собственное и, как правило, весьма содержательное толкование вопросов этнического отождествления, локализации, происхождения и смысла длинного ряда северокавказских этнонимов и племенных названий. В книге очень ярко продемонстрированы возможности и достоинства основного метода исследования, присущего и другим работам Н. Г. Волковой: тщательное перекрестное сопоставление письменных, фольклорных,